

УДК 355.257(470.5) + 355.292(470.5) + 94(100)“1914/19” **Н. В. Суржикова****ВОЕННОПЛЕННЫЕ В БОГОСЛОВСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ:
КОНТАКТЫ, КОНФЛИКТЫ, КОНВЕНЦИИ***

Описывается история пребывания военнопленных Первой мировой войны в Богословском горном округе. Плен рассматривается как пространство многоакторных и многофакторных социальных взаимодействий, выявляются наиболее характерные для них мотивы, каналы и сценарии. Социология плена, развивавшаяся в континууме между эксклюзией и инклюзией, по мысли автора, не просто отражала насущные для локального социума проблемы, но и обнаруживала пределы гибкости атрибутивно важных для него общественных институтов.

Ключевые слова: военнопленные; Первая мировая война; Богословский горный округ; социология плена; коммуникация; контакты; конфликты; конвенции.

Прагматический дрейф в историю российского плена, порожденного Первой мировой войной, свидетельствует, что он, беспрецедентно массовый и радикальный, не просто отражал тенденцию тотализации войны как таковой. В чем-то он зримо обособился от войны, обретя свою запутанную статистику, обширную географию, экономику, выражавшуюся через причастность пленных к процессам администрирования, потребления и производства, психологию, характеризующуюся стрессом аккультурации и кризисом идентичности, а также социологию, развивавшуюся в континууме между эксклюзией и инклюзией. При этом сказать однозначно, к какому из этих полюсов социология плена тяготела больше, практически невозможно. С одной стороны, плен, в основе которого лежат принуждение и подавление, априори предполагал объектность военнопленных и ограниченность их социальных возможностей. С другой же стороны, выброшенные за пределы привычных сетей социального взаимодействия пленные тут же включались в новые сети, познавая посредством этого включения все «прелести» своего нового социального положения. Очевидно, что и для местного населения, и в частности «аборигенов», проживавших на территории Богословского горного округа, встреча с пленными иностранцами также не прошла даром, наложив свой отпечаток на социально типические процессы и явления в сфере межличностной, внутригрупповой и межгрупповой коммуникации. При этом живая, вербальная коммуникация наряду с не менее живой мыслекоммуникацией, не знающей границ в виде запрещающих документов и высоких заборов, могут быть с успехом описаны через самые разные аспекты. Рассматривая их из перспектив сразу всех участников описываемых событий, в качестве наиболее вероятностных характеристик социологии плена можно выделить такие, как 1) конфликтогенность, 2) конвенциональность и 3) кооперация.

---

* Статья в рамках исследования при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00-702м, продолжает поднятую в нашем журнале (2011, № 3(93)) тему пребывания военнопленных Первой мировой войны в Богословском горном округе [см.: Суржикова, 2011].

Их сегрегация условна, поскольку любые ее попытки разбиваются о тот факт, что процессы социального взаимодействия всегда остаются процессами многофакторными, многоакторными и многовекторными. В этой связи при определении жанровых особенностей той или иной сценки, разыгранной в пространстве плена, настаивать на какой-то однозначной оценке непродуктивно, так как одна и та же ситуация могла агрегировать элементы комедии, драмы и трагедии одновременно. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

Надо, однако, отметить, что уловить все оттенки во взаимоотношениях пленных с другими пленными или пленными с местным населением крайне сложно. Проблема состоит в том, что эго-документов, наиболее живо передающих тональность взаимодействий, остроту мнений, переживаний и настроений как сданных на работы БГО вражеских военнопленных, так и контактировавших с ними «русских», весьма немного. Деловая же переписка с ее «дистиллированным» канцеляритом является плохим подспорьем для реставрации поведенческих технологий, фиксируя главным образом краткосрочные и долгосрочные результаты их использования. Все это, впрочем, не мешает признать тот факт, что процессы адаптации и интеграции, аккультурации и инкультурации, эксклюзии и инклюзии — практически все эти социальные процессы в пространстве плена так или иначе опосредовались его экономикой. Производство и потребление изобиловали «перекрестками», где пленные иностранцы и автохтонное население, будь то служащие округа, рабочие или простые обыватели, пересекались практически ежедневно. Во что это выливалось?

По мнению местного исправника, отписывавшего в губернскую Пермь рапорт за рапортом, как того требовало циркулярное распоряжение от 28 ноября 1911 г., русские и иностранцы уживались вполне себе мирно [см.: ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 1041, л. 1–2; ф. 183, оп. 1, д. 71, л. 71]. Правда, это заявление отражало ситуацию лишь в самом общем виде, требуя своей конкретизации. Известен целый ряд примеров, когда мирное сосуществование пленными и аборигенов перерастало в нечто большее, нежели просто сосуществование. Они не просто жили рядом, а, руководствуясь самыми разными причинами, принимали деятельное участие в повседневной жизни друг друга. Так, крестьяне А. Исупова, Н. Ляпунов и О. Ляпунова передавали нелегальную переписку между военнопленными Надеждинского завода и Морозковской ветки заводской железной дороги (за что и были оштрафованы на 25 рублей каждый) [ГАПК, ф. 65, оп. 5, д. 156, л. 12, 12 об., 16]. Жительница с. Турьинские Рудники Е. Сабашадаш обстирывала австрийца И. Кальмана, а телеграфистка ст. Верхотурье Богословской железной дороги К. Некрасова за отсутствием мужа, старшего аптечного фельдшера 2-й Туркестанской стрелковой артбригады Д. Некрасова, и вовсе сожительствовала с одним из вражеских военнопленных [ГАПК, ф. 65, оп. 3, д. 82, л. 261; д. 593, л. 109]. Объездчик Богословской дачи П. Гусев и работавшие на заготовках древесного топлива вражеские военнослужащие нашли общий язык на почве купли-продажи продуктов, несмотря на то, что приобретать их с рук пленным выходило дороже, нежели через округ [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 231, л. 127].

Эти и аналогичные им «преступные связи», порицавшиеся военными, гражданскими и окружными властями, являлись наглядным примером взаимовыгодного сотрудничества, которое безусловно расширило границы не только индивидуального, но и коллективного опыта, требуя от той или иной группы приличествующей случаю реакции на поведение ее отдельных членов. Так, пленные, не влияя серьезно (или влияя лишь временно) на отношения полов в регионе, тем не менее явно не добавляли гармонии гендерной коммуникации и, более того, ставили под сомнение вековые гендерные стереотипы, заставляя локальное сообщество консолидироваться для их защиты.

В процессе защиты своих интересов как пленные, так и местные вынуждены были идти на уступки, что породило такую разновидность их мирного сосуществования, как договорные отношения. К примеру, в условиях продовольственного кризиса, к середине 1916 г., резко обострившего конкуренцию на рынке потребления, местное общество, хоть и не сразу, все-таки отказалось от конфликтного сценария отношений с пленными, предложив им своеобразное «мировое соглашение»: «В отмену состоявшегося постановления от 20 августа с. г. о воспрещении военнопленным покупки съестных припасов постановлено: разрешить военнопленным покупку всех жизненных съестных припасов и молочных продуктов на местном рынке из торговых заведений по вторникам и четвергам от 10 до 20 часов дня» [ГАСО, ф. 181, оп. 1, д. 5, л. 5]. Конвенциональность, если хотите — контрактность, социальных взаимодействий, протекавших в пространстве плена, давала их участникам возможность сохранить хрупкий консенсус даже тогда, когда их интересы вступали в очевидное противоречие. Остается только добавить, что разойтись миром коммуникантам удалось далеко не всегда.

Наиболее травматичным с психологической точки зрения, а также опасным для перспективы мирного взаимодействия пленных иностранцев и локального сообщества стал несчастный случай, произошедший на Надеждинском заводе в августе 1915 г. По версии местной полиции трагедия, всколыхнувшая всю округу, выглядела так: «25 сего августа, около 6 час. утра в улице Надеждинского завода под охраной трех сторожей и двух полицейских стражников проходила на работу в завод партия военнопленных австрийцев в 600 человек. Около первых ворот заводской ограды под названием Азиатские ворота от партии военнопленных отделилось три человека, каковые, пройдя во двор, направились в сортопрокатный цех. Ход в ворота как рабочим, так и военнопленным воспрещен и таковой существует исключительно для прохода поездов. Охранявшие ворота сторож крестьянин Маракулинской волости, Слободского уезда Козьма Игнатьевич Шулаков 69 лет и обходной крестьянин Шубенской волости Котельнического уезда Павел Нестеров Гуцин 49 лет, увидав прошедших пленных, потребовали, чтобы они вернулись и присоединились к проходившей по заводу партии военнопленных; прошедшие требованию этому не подчинились и направились своей дорогой. Шулаков, остановив двоих из них, потребовал, чтобы они вернулись, угрожая в противном случае имевшейся у него в руках железной палкой. Гуцин же стал преследовать третьего военнопленного. Шулаков замахнулся железной палкою на задержанных пленных с целью

принудить их присоединиться к партии, тогда один из них толкнул его в грудь, и Шулаков упал на полотно железной дороги; в это время по полотну проходил тихим ходом паровоз, каковой, наскочив на упавшего Шулакова, тотчас же сдвинулся назад, причинив Шулакову тяжкие повреждения, от которых он через несколько минут тут же и умер. Военнопленные, освободившись от Шулакова, бросились бегом вглубь завода, где и скрылись» [ГАПК, ф. 65, оп. 3, д. 601, л. 5–5 об.].

Арестованные по этому делу австрийские немцы Мартин Шипош, Франц Войс, Иоганн Шумайер тут же сделались врагами всего «русского общества», бурно обсуждавшего их «дерзостный поступок» и выражавшего свое «крайнее возмущение» [ГАСО, ф. 183, оп. 1, д. 71, л. 85–86]. Под давлением общественного мнения военный суд в г. Екатеринбург своим решением от 31 октября 1915 г. признал главным виновником случившегося И. Шумайера и приговорил его к смертной казни. Узнав об этом, управляющий Богословского округа С. С. Постников спешно телеграфировал пермскому губернатору: «Ожидая тяжелого впечатления на десять тысяч пленных[,] работающих [в] округе[,] указанного приговору [и его] отрицательного влияния на работу и взаимные отношения с русскими[,] беру на себя смелость просить Ваше Превосходительство ходатайствовать перед командующим [Казанским военным] округом о смягчении приговора [с его] заменой другою формой наказания» [ГАПК, ф. 65, оп. 3, д. 601, л. 3]. Вполне обоснованное беспокойство окружной администрации понимания, однако, не встретило, и 13 декабря 1915 г., в 6 часов вечера, в ограде Екатеринбургской тюрьмы вынесенный И. Шумайеру приговор привели в исполнение [Там же, л. 15].

Позволю себе предположить, что произошедшее стало важным уроком не только для пленных иностранцев, но и для местного населения. Однако то, что богословский плен больше не знал таких трагедий, не отменяет общего вывода о потенциально высокой конфликтогенности плена вообще. Ее градус не поддается более или менее точной шкальной оценке, предлагая исследователю самому делать соответствующие выводы. Предваряя их, позволю себе привести еще несколько примеров недружелюбного поведения пленных и местного населения. 12 января 1916 г. «на Никитинском руднике во время выдачи расчета военнопленным австрийцам один из числа военнопленных, Деметер Иштвик, 25 лет, получил причитающийся ему расчет в сумме 30 копеек, т. е. две марки денежные 15-копеечного достоинства каждая, выругавшись непомянутыми словами на мадьярском языке, демонстративно порвал полученные марки и бросил таковые на пол, что при производстве дознания вполне подтвердилось свидетельскими показаниями» [ГАПК, ф. 65, оп. 5, д. 165, л. 1–1 об.]. Другой неприятный инцидент произошел в феврале 1916 г. в Богословском лесничестве. Не будучи в полной мере удовлетворена работой военнопленных, местная администрация уменьшила их паек и увеличила число охранников, разрешив последним прибегать к физическим методам воздействия на вверенный им контингент. В результате после одной из потасовок 40 румынских военнопленных, почувствовав себя глубоко обиженными, бросили работу и удалились в с. Андриановичи. В ходе разбирательства по факту случившегося

румыны заявили, что причину предпринятого ими демарша следует искать не только и не столько в их «трепетных» отношениях со сторожами, а в простом обмане: еще до прибытия в округ пленным была обещана работа в сельском хозяйстве, вместо чего их заставили рубить дрова [ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 272, л. 5 об.].

Очевидно, таким образом, что росту социальной напряженности в пространстве плена способствовала негибкая или непоследовательная политика властей разного ранжира. К примеру, центральные военные власти оказали прямое воздействие на рисунок внутригрупповой коммуникации отвоёванных вражеских военнослужащих, подразделив всех пленных на «дружественных», которым всячески покровительствовали, и «неблагонадежных», обреченных на бесконечные подозрения в злом умысле. Этноконфессиональные асимметрии в отношении пленных различных наций и вероисповеданий лишь углубили раскол в их рядах, который и без того активно навязывался ситуацией плена [см. об этом подробнее: Суржикова, 2008, с. 349–358]. Полякам, чехам, словакам и вообще славянам, оказавшимся во враждебном окружении из немцев, мадьяр и евреев, приходилось скрывать свое происхождение, наоборот. «Нас, чехов, во всем здесь сокращают и буквально обдирают; лучше всех живется немцам и мадьярам, — жаловался в марте 1917 г. чешский военнопленный Фиала Франтишек, работавший на Самском руднике БГО, в правление Союза чехословацких обществ в России. — Всякого чеха можно узнать с первого взгляда по рваной одежде. Так убого, как здесь, одеты чехи во всем округе, потому что в случае получения Красным Крестом посылок для пленных все вещи делят между собою евреи, немцы и мадьяры. Вообще весь округ кишмя кишит евреями; они всюду: в канцелярии, складах, магазинах и т. п. Горсточка нас, добрых чехов, в течение своего пребывания здесь должна была проглотить немало горьких пилюль...» [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 67–68].

Администрация же Богословского округа вопросу взаимоотношений пленных различных наций и конфессий внимания практически не уделяла; для нее все они были равны. А потому пленные, как отмечал в августе 1917 г. окружной инженер Северо-Верхотурского округа, продолжали относиться друг к другу «очень неприязненно» [Там же, л. 71–71 об.], что было вполне закономерно. Оказавшиеся в плену люди, обособляясь по этноязыковому и конфессиональному признаку от других людей, тем самым пытались спастись от кризиса идентичности, который неизбежно приходил вместе со стрессом аккультурации, вызванным, в свою очередь, принудительным воздействием чужой культуры. При этом, преодолевая культурный шок, пленным приходилось отгораживаться не только от того, что может быть артикулировано как «русское», но и другого чужого — «немецкого», «венгерского», «румынского», «турецкого», «болгарского», «чешского», «польского», «еврейского» и т. д. Те же пленные, которым не удалось отстоять свою «самость», становились жертвами развития аномии, проявляющейся прежде всего в потере выраженного самоидентификационного кода, и ожидаемо вызывали у более «стойких» исключительно негативную реакцию. Причем реакция эта могла быть негативной до такой степени, что требовала вмешательства со стороны, о чем свидетельствует записка,

отправленная в июне 1916 г. в управление БГО с Аурбаховского рудника: «Препровождаем Вам для работ в Надеждинске шесть человек военнопленных, хлопчущих о приеме их в русское подданство, так как дальнейшее пребывание на руднике, среди своих соотечественников, для них становится слишком тяжелым» [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 1101, л. 161].

Допустившие, по мнению своих соотечественников, недопустимое, эти шестеро военнопленных даже не подозревали, что их пример будет дополнительным стимулом к консолидации их вчерашних товарищей по национальному и конфессиональному признаку. Вместе с тем к подобному опыту социализации наверняка неодобрительно отнеслись не только соотечественники, но и другие военнопленные, поскольку он трактовался как предательство самой идеи отечества. В этой связи следует сказать, что эксклюзия, дезинтеграция пленных никогда не доходила до критической точки. Еще вчера воевавшие под разными знаменами солдаты, объединенные теперь общим несчастьем, а именно пленом, должны были сохранить хотя бы относительное единство для того, чтобы своевременно реагировать на вызовы извне, и в частности обмениваться актуальной информацией.

Немногочисленные архивные находки свидетельствуют, что сохранить приемлемый уровень монолитности разноязыкой армии иностранных рабочих БГО скорее удалось, нежели нет. Как проявление этой монолитности можно рассматривать ту молниеносную скорость, с которой среди пленных округа распространялись всевозможные слухи и кривотолки. Весной 1916 г. из уст в уста и, полагаю, под большим секретом передавалась новость о том, что с 15 мая находящихся на рудниках округа пленных начнут снимать с работ. Молва твердила, что так решила Государственная дума, намереваясь посредством отправки пленных домой или, в худшем случае, в особые лагеря лишить военную промышленность рабочих рук и приблизить тем самым окончание войны. Спустя некоторое время слухи конкретизировались, и речь теперь шла о снятии пленных с работ как в России, так и в Германии [Там же, ф. 183, оп. 1, д. 70, л. 107–107 об., 113]. Выяснилось, что «распространению этих слухов послужило распоряжение верхотурского уездного воинского начальника о составлении списка о хорватах», зачем-то затребованного штабом Казанского военного округа. Слухи, не имевшие под собой равным счетом ничего, но охватившие в считанные дни весь Верхотурский уезд, не на шутку напугали администрацию БГО. Опасаясь непредсказуемых последствий столь активной внутригрупповой коммуникации пленных, она прибегла к помощи окружного инженера Северо-Верхотурского горного округа, который, однако, главных провокаторов так и не нашел. Масштабы же «брожения» среди вражеских военнослужащих впечатлили его настолько, что во избежание каких-либо эксцессов чиновник оставался в Богословском округе, на Богословском заводе, вплоть до 16 мая, никуда не выезжая даже по самым срочным делам службы [Там же, ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 18 об.].

Очевидно, таким образом, что репертуар коммуникативных практик, реализовавшихся в пространстве плена, был настолько широк, что в орбиту взаимодействий и противодействий оказались вовлечены и вовсе необязательные ге-

рои. И не будет преувеличением сказать, что плен, оказав или не оказав серьезное влияние на социальные сети местного значения, способствовал приобретению новых коммуникативных навыков и росту социальной компетентности всех его агентов. Нарушая привычный и удобный ход вещей, плен побуждал как военнопленных, так и местных жителей принимать меры, либо направленные на возвращение утраченного баланса, либо ведущие к новой ступеньке с а м о а к т у а л и з а ц и и как отдельно взятого человека, так и общества в целом. Вместе с тем контакты, конфликты и конвенции, имевшие место в пространстве богословского плена, как, впрочем, и плена вообще, не просто расширяли горизонты индивидуального или группового опыта, не просто маркировали, актуализировали те проблемы, которые были насущны как для локального сообщества, так и для российского социума вообще, но и способствовали зримым трансформациям систем и контрактов локального и надлокального значения, обнаруживая пределы их устойчивости и функциональности. Сообразно с этим позволю себе предположить, что наиболее перспективным подходом к изучению социологии плена и, очевидно, плена вообще в недалекой перспективе станет прежде всего изучение его с точки зрения теории практик, понимаемых как искусство решения практических задач в ситуации неопределенности [см., например: Бурдые; Волков; Горень, с. 138–151; James]. Такой подход даст возможность предположить с большей или меньшей долей вероятности, *что* из себя представлял российский плен и *как* он конструировался, какие мотивы, решения, приемы и т. д. сделали его тем, чем он оказался в конечном итоге.

Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.

Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008.

ГАСО. Ф. 45, 181, 183.

ГАПК. Ф. 65.

Горень Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» // Одиссей: человек в истории. М., 2005. С. 138–151.

Суржикова Н. В. Военнопленные в Богословском горном округе: статистика и экономика // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2011. № 3(93). С. 110–129.

Суржикова Н. В. «Воспитать в желательном для России духе...»: этнополитические мотивы в практике российского плена 1914–1917 гг. // Седьмые Татищевские чтения : докл. и сообщ. Екатеринбург, 2008. С. 349–358.

James W. Pragmatism and Other Writings. N. Y., 2000.

Статья поступила в редакцию 20.07.2011 г.